

Церковные обряды. Въ жизни нашихъ предковъ особенно поражала иностранцевъ набожность и благочестіе. Нигдѣ такъ строго не исполнялись церковные обряды и посты. Такъ, при посѣщеніи монастырей царь и царица довольствовались монастырскими кушаньями и не ѣли въ присутствіи чернаго духовенства мяса. Великимъ постомъ съ ранняго утра чистаго попедѣльника до среды въ Москве не было ни купли ни продажи; всѣ лавки были закрыты особенно тѣ, въ которыхъ продавались съѣстные припасы не говоря уже о томъ, что мяса невозможно было достать въ продолженіе цѣлаго поста; за нарушеніе послѣдняго полагалось наказаніе кнутомъ.

Но такая набожность чаще всего ограничивалась только исполненіемъ обрядовъ. Любили русскіе «доброшумный звонъ колоколовъ», ставили толстыя свѣчи предъ иконами, но не понимали сущности вѣры и часто поступали благовидно въ дѣлахъ религіи. Одна женщина, прося св. Николая Чудотворца сдѣлать ее богатой, всячески убирала образъ его въ церкви; но когда молитва ея не была услышана, то она снова сняла всѣ украшенія съ иконы.

Богослуженіе въ Московскомъ государствѣ отличалось большою продолжительностью. Приѣзжавшій съ антiохійскимъ патріархомъ его племянникъ, архидіаконъ Павелъ Алеппскій, пишетъ: «Служба наканунѣ дня памяти св. Петра, митрополита московскаго, была большая и торжественная. Мы вышли изъ церкви лишь при восходѣ солнца, уми-

(Фрагмент книги, стр. 289-290 утрачен)

совершенно чинъ крестнаго хода... Когда вышли изъ церкви, патріархъ снова сѣлъ на лошадь, а «сани съ древомъ» и діаконы пошли впередъ; каждый изъ нихъ занялъ опять свое мѣсто. Отроки опять постилали свои кафтаны, пока мы не возвратились въ соборній храмъ, сопровождаемые колокольнымъ трезвонимъ. Мы вошли въ храмъ, а «сани съ древомъ» остановились передъ южными воротами церкви. Патріархъ взошелъ на архіерейское мѣсто, а прочіе заняли мѣста вокругъ него; начались часы и обѣдня... По окончаніи обѣдни патріархъ прочелъ поученіе на этотъ день, совершилъ отпускъ и, сойдя съ амвона, вышелъ изъ южныхъ вратъ храма... Подойдя къ дереву, онъ окадилъ и благословилъ его. Двѣ вѣтви, по его приказанію, были отрублены стрѣльцами и внесены въ церковь. Здѣсь ихъ разрѣзали на мелкія части и положили на серебряные подносы вмѣстѣ съ изюмомъ, сахаромъ и яблоками, и патріархъ отослалъ это царицѣ, ея сыну, дочерямъ и сестрамъ царя. Остальныя части дерева раздѣлилъ между собою народъ. Русскіе имѣютъ большую вѣру въ означенное дерево и берутъ части его съ большимъ благоговѣніемъ. Намъ передавали, что оно приносить пользу во всѣхъ болѣзняхъ, въ особенности при зубной боли; если положить кусочекъ его на больной зубъ, то боль проходитъ».

Еще болѣе любопытный обрядъ совершался въ воскресенье передъ Рождествомъ. Это такъ называемое «Щецное дѣйство». Это дѣйство было установлено въ память извѣстнаго библейскаго чуда съ тремя отроками, брошенными въ печь огненную вавилонскимъ царемъ Навуходоносоромъ. Обыкновенно, за нѣсколько дней до совершенія его, начиналось приготовленіе, состоящее въ томъ, что въ соборной церкви устраивалось подобіе печи. Самое «дѣйство» совершалось въ Москвѣ патріархомъ, а по другимъ городамъ — архіереями. Передъ началомъ его благовѣстили съ часъ для большей торжественности. Въ установленное время являлись участники торжества, изъ которыхъ четверо изображали трехъ отроковъ и ихъ учителя, а двое остальныхъ — воиновъ Навуходоносора и назывались поэтому «халдеями»; послѣдніе были въ странныхъ одеждахъ, въ высокихъ

остроконечныхъ шапкахъ и съ выдолбленными палками, наполненными особенной горючей травой. Когда владыка входилъ во храмъ, то впереди его шествовали «отроки» съ зажженными свѣчами, а по бокамъ «халдеи». Затѣмъ начиналась обычнымъ порядкомъ всенощная. За шесть часовъ до разсвѣта, во время седьмой пѣсни канона, которая, какъ извѣстно, посвящена воспоминанію чуда въ Вавилонѣ, «учитель отроковъ» дѣлалъ три земныхъ поклона передъ образами и обращался къ владыкѣ съ такими словами: «Благослови, владыко, отроковъ на уреченное мѣсто поставить». Владыка благословлялъ его, говоря: «Благословенъ Богъ нашъ, изволивый тако!» Тогда «учитель» обвязывалъ шею «отроковъ» полотенцемъ и, по данному знаку владыки, передавалъ ихъ «халдеямъ», которые подводили ихъ къ «пещи». Въ это время между ними происходилъ такой разговоръ. Одинъ изъ «халдеевъ», указывая «отрокамъ» на печь, говорилъ имъ: «Дѣти царицы!.. видите ли сію печь, огнемъ горящу и вельми распляемому!» Другой добавлялъ: «Сія печь уготовася вамъ на мученія». Одинъ изъ «отроковъ», представлявшій собою Ананію, возражалъ: «Видимъ мы печь сію, но не ужасаемся ея; есть бо Богъ нашъ на небесахъ, Ему же служимъ, — Той силенъ изъяти насъ отъ пещи сія»... Представлявшій Азарію продолжалъ: «И отъ рукъ вашихъ избавить насъ», а Мисаилъ заканчивалъ: «А сія печь будетъ не намъ на мученіе, а вамъ на обличеніе»... Послѣ этого отроки пѣли: «И потщимся на помощь»... какъ бы приготовляясь на мученія. Во время пѣнія между «халдеями» происходитъ такой разговоръ: «Товарищъ!» — Чего? — «Эти дѣти царицы?» — Царицы. — «Нашего царя повелѣнія не слушаютъ?» — Не слушаютъ! — «А златому тѣльцу не поклоняются?» — Не поклоняются! — «И мы вкинемъ ихъ въ печь?» — И начнемъ ихъ жечь! — Послѣ этой бесѣды «халдеи» ввергали «отроковъ» въ «печь» и начинали ходить кругомъ, бросая изъ палокъ зажженную траву, которая имѣла свойство быстро гаснуть, а потому была безопасна. Между тѣмъ протодіаконъ читалъ пѣснь отроковъ: «И правы пути твои, и судьбы истины сотворилъ еси», во время которой діаконы брали у «халдеевъ» ихъ палки съ

огнемъ. Когда протодіаконъ доходилъ до словъ пѣсни: «Ангель же Господень сниде... въ пещь, яко духъ хладенъ шумящъ», то въ «пещь» со страшнымъ громомъ спускался «ангель», державшій въ рукѣ зажженную свѣчу; «халдеи» падали, какъ бы пораженные страхомъ, а діаконъ оналяли имъ волосы. Въ это время между ними происходилъ такой разговоръ: «Товарищъ!» — Чего? — «Видишь ли?» — Вижу. — «Было три, а стало четыре». Затѣмъ «ангель» исчезалъ изъ пещи и снова появлялся въ ней, при чемъ «халдеи» снова падали ницъ отъ страха. Однако совершившееся чудо не заставило «халдеевъ» быть съ отроками деликатнѣе: когда «ангель» снова исчезалъ, они обращались къ нимъ съ такою рѣчью: «Ананія! гряди вонъ изъ пещи. Чего сталъ? Поворачивайтесь, — не иметъ васъ ни огонь, ни солома, ни сѣра. Мы чаяли — васъ сожгли, а сами обгорѣли!..» Послѣ этого халдеи выводили отроковъ изъ пещи, и обрядъ оканчивался многолѣтнемъ царю и властямъ. Затѣмъ всенощная оканчивалась обычнымъ порядкомъ, и послѣ нея владыка приглашалъ участниковъ церемоніи къ себѣ на трапезу.

Новый годъ до Петра Великаго пачинался съ перваго сентября. Подобно другимъ торжественнымъ днямъ, онъ также знаменовался въ Москвѣ особымъ церковнымъ обрядомъ, или «дѣйствомъ». Оно состояло въ томъ, что патріархъ со всѣмъ духовенствомъ Первопрестольной служилъ торжественное молебствіе на соборной площади противъ Краснаго крыльца. Царь и бояре присутствовали на немъ въ роскошныхъ праздничныхъ нарядахъ. Послѣ молебствія царь и патріархъ занимали особыя, устроенныя для нихъ, богатыя сѣдалища, и всѣ духовныя и свѣтскія власти столицы, подходя по очереди, поздравляли ихъ съ Новымъ годомъ. Вслѣдъ за тѣмъ народъ билъ царю челомъ до земли и многолѣтствовалъ его.

Бытовые обряды. Много любопытныхъ обычаевъ было и въ семейной жизни нашихъ предковъ. Вотъ какъ заключались браки. Обыкновенно родители знатнаго молодого человека, провѣдавъ, что гдѣ-нибудь имѣется подходящая невѣста, посылали спросить ея родителей, согласятся ли они

выдать за него дочь. Если послѣдніе соглашались, то первымъ дѣломъ составляли роспись всего того, что даютъ за своею дочерью, и посылали эту роспись жениху, не говоря ни слова о томъ невѣстѣ. Если жениху правилось приданое, то назначались смотрины, однако онъ самъ не могъ видѣть невѣсты, а посылалась отъ него какая-нибудь близкая родственница, которая говорила съ невѣстѣй за столомъ и потомъ передавала жениху свое впечатлѣніе. Женихъ, смотря по отзыву свахи, или оставался при своемъ намѣреніи или посылалъ отказъ. Самая свадьба сопровождалась слѣдующими церемоніями. Женихъ ѣхалъ по невѣсту въ такомъ порядкѣ: впереди него каравайники несли хлѣбъ на носилкахъ, потомъ ѣхалъ священникъ съ крестомъ, за нимъ провозжатые и, наконецъ, женихъ съ тысяцкимъ, лѣтомъ верхомъ, а зимою на саняхъ. По пріѣздѣ въ домъ родителей невѣсты, послѣдніе приглашали всѣхъ къ столу, при чемъ новобрачные помѣщались на одной подушкѣ и ихъ покрывали однимъ кускомъ тафты. Сваха расчесывала невѣстѣ косу. Передъ женихомъ и невѣстой ставили блюдо съ хлѣбомъ и сыромъ (творогомъ). Послѣ угощенія родители невѣсты благословляли ее и вручали жениху. Съ невѣсты снимали такъ называемый дѣвичій вѣнецъ и отдавали его на храненіе. Отправлялись въ церковь, гдѣ совершалось вѣнчаніе. Послѣ вѣнчанія ѣхали въ домъ жениха, гдѣ и происходилъ пиръ. Когда на немъ подавали обыкновенную принадлежность древне-русскаго свадебнаго пира—лебедь, новобрачные вставали и шли въ опочивальню въ сопровожденіи дружки и свахи, а пиръ продолжался.

Одинъ иностранецъ рассказываетъ о слѣдующемъ свадебномъ обычаѣ того времени: женихъ клалъ въ одинъ сапогъ нагайку, а въ другой драгоценный камень и приказывалъ молодой снять одинъ сапогъ. Если она снимала тотъ, въ которомъ былъ драгоценный камень, то это предсказывало счастливую супружескую жизнь, и мужъ дарилъ ей этотъ камень; если же она вынимала нагайку, то это сулило ей часто быть битой мужемъ.

Женщины вели замкнутую жизнь — жизнь затворницъ въ своихъ теремахъ. Царица, напримѣръ, никогда не пока-

зывалась народу, а если куда ѣхала, то не иначе, какъ въ закрытыхъ саняхъ или колымагѣ. «Въ церковь», пишетъ одинъ иностранецъ, «царица ходитъ изъ дворца сѣнями, закрытыми со всѣхъ сторонъ, чтобы случайно не осквернилъ ее грубый взоръ прохожихъ; въ торжественные дни или въ обыкновенные праздники идущая за ней знатная дѣвица держитъ надъ ея головой круглый зонть посредствомъ придѣланной къ нему длинной рукоятки. Въ самые большіе праздники, когда она надѣваетъ вѣнецъ, четверо такихъ дѣвицъ носятъ надъ ней длинный балдахинъ.

Подобно царицѣ и жены знатныхъ бояръ не ѣздили иначе, какъ въ крытыхъ саняхъ или колымагахъ. Гостей-мужчинъ принималъ мужъ въ своихъ покояхъ, а женщинъ — жена въ своихъ. Къ мужчинамъ женщины выходили для такъ называемаго поцѣлуйнаго обряда. Тогда хозяйка, вышедши къ гостямъ, кланялась имъ въ поясъ, а они отвѣчали ей земными поклонами. Хозяинъ приглашалъ всѣхъ присутствующихъ поцѣловать ее; каждый подходилъ и цѣловался съ ней въ губы, послѣ чего она выходила и выносила каждому изъ присутствующихъ по кубку вина.

Только женщина - престолюдица пользовалась полною свободой.

Немало было и недостатковъ въ жизни русскихъ. Иностраннй посоль (Олеарій) пишетъ: «Порокъ пьянства распространенъ среди русскихъ до такой степени, что если видишь по улицамъ тамъ и сямъ пьяныхъ, валяющихся въ грязи, то не обращаешь на нихъ и вниманія, какъ на явленіе самое обычное». Зимой, послѣ каждаго праздника земскій приказъ наполнялся огромнымъ числомъ совершенно обнаженныхъ и обледянѣлыхъ труповъ обывателей, сдѣлавшихся жертвой своей безумной страсти къ вину.

Табакъ, занесенный иностранцами, пользовался также широкимъ распространеніемъ. Курильщиковъ ловили, продѣвали имъ въ ноздри кольца, сѣкли публично розгами, но ничто не помогало.

Подражаніе иноземцамъ. Мало-по-малу и въ многомъ другомъ русскіе подражали иностранцамъ; благодаря послѣд-

нимъ Москва преображалась. Увеличилось число мостовыхъ, колодцевъ, появились каменные заборы, заставы, мельницы, завелась даже пожарная команда. Появилась царская аптека.

Въ Москвѣ всюду пестрѣли костюмы, экипажи, не похожіе на прежніе русскіе. Завѣтной мечтой всякаго фронта было теперь одѣться въ польскій кафтанъ и обрить бороду.

Прежде бояре ѣздили по Москвѣ или верхомъ или въ тяжелыхъ колымагахъ. Теперь можно было встрѣтить боярина въ польской каретѣ съ лакеями въ иностранныхъ ливреяхъ на запяткахъ. Напрасно правительственная и церковная власть запрещали подражать иностранцамъ. Ничто не помогало. Однажды патриарху пришлось прибѣгнуть къ слѣдующей уловкѣ. Онъ выпросилъ у боярина Романова ливреи будто бы для того, чтобы спить такія же и своимъ лакеямъ, но взялъ ихъ да изрѣзалъ.

Въ дворцѣ и боярскихъ хоромахъ можно было встрѣтить много предметовъ иноземнаго происхожденія. Кресла и стулья замѣнили собою старинныя русскія бесѣды (лавки, скамьи), на стѣнахъ заблестѣли зеркала. Даже тронъ царя передѣланъ былъ на польскій образецъ и снабженъ польскою надписью. Въ домахъ завелись ковры, «панникадилы» и стѣнные пандалы (подсвѣчники). Горницы оглашались пѣніемъ птицъ, даже крикомъ «папагаловъ» и благоухали «вонью» (духами). У женщинъ было много красивыхъ мелочей, особенно «форфурныхъ скляницъ», рѣзныхъ гребней, щетей, зеркалъ изъ хрустала или булата (железа).

Русскіе люди начали учиться польскому языку. Царевичъ Теодоръ Алексѣевичъ и царица Софія «не точію нашимъ природнымъ, но и ляцкимъ (польскимъ) языкомъ чтутъ книги». Развился обычай держать въ русскихъ домахъ иностранныхъ учителей и читать латинскія книги. Въ бібліотекахъ монастырей и частныхъ боярскихъ домахъ появились польскія и латинскія книги по математическимъ и естественнымъ наукамъ.

Вотъ, напримѣръ, что представлялъ домъ знатнаго чело-вѣка того времени. Въ огромныхъ залахъ простѣнки были

заставлены зеркалами, на потолкѣ была нарисована планетная система, на стѣнахъ висѣли портреты русскихъ и иностранныхъ государей и нѣмецкія географическія карты. Въ библіотекѣ этого дома имѣлся Коранъ, книга, въ которой изложено вѣроученіе Магомета, нѣмецкая геометрія и проч., были книги и просто для занимательнаго чтенія. Таковы, на примѣръ, Утѣшная повѣсть о купцѣ, Исторія о благородной и прекрасной Мелюзинѣ.

Люди, дорожившіе стариной, особенно были недовольны тѣмъ, что новшества проникли и въ церковную живопись. Черезъ Новгородъ и у насъ, на Руси, появилась итальянская живопись. Въ художественной мастерской царскаго живописца Симона Ушакова находилось прекрасное изображеніе Маріи Магдалины, «свѣтовидный образъ». Жаловались, что Христа и святыхъ стали «по фряжскому, сирѣчь по-нѣмецкому, будто живыхъ писать».

Театральныя представленія. Прежде русскіе смотрѣли только на потѣхи скомороховъ, которые разыгрывали небольшие сценки, въ редѣ современнаго Петрушки. Скомороховъ, ходившихъ ватагами, преслѣдовали и церковь и власти. Въ послѣдней трети XVII в. возникъ при дворѣ театр. Въ 1672 г. царь Алексѣй Михайловичъ отправилъ посла къ курляндскому Якубусу князю; послу было поручено нанять людей, которые «умѣли бы всякія комедіи строить». Попытка эта не удалась, зато въ самой Москвѣ, въ нѣмецкой слободѣ, подыскался услужливый пасторъ и магистръ, лютеранинъ Яганъ Готфридъ Грегори; ему и велѣно было «учинить комедію и для того устроить хоромину вновь въ Преображенскомъ». Представленія давались или здѣсь или въ покояхъ Кремлевскаго дворца. Кромѣ царя, въ публикѣ присутствовали лишь приближенные къ царю люди, а съ особыхъ мѣстъ, скрытыхъ отъ взоровъ публики частою рѣшеткою, смотрѣли на представленія государыня-царица и царевны. Передъ этой избранной публикой подростки, обученные пасторомъ, разыгрывали «прохладныя» или «потѣшныя» комедіи, изображавшія въ драматической формѣ различныя библейскія исторіи, напр., Эсфири и Амана, Юдифи и Олоферна, пересыпанныя смѣ-

хотворными шутовскими сценами вводныхъ лицъ. Впечатлительный «тишайшій» царь, какъ очарованный, сидѣлъ по 10 часовъ сряду, не спуская глазъ со сцены.